

«СЕМЕЧКИ» К. К. ВАГИНОВА:
ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПИСАТЕЛЯ
НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

Дмитрий Бреслер
(Санкт-Петербург)

Объектом нашей статьи является тетрадь К. К. Вагинова в матерчатом темно-коричневом переплете, вобравшая в себя «кипы мгновенных зарисовок, вырезок, выписок, услышанных в лавках фраз» (вспомним описание работы Свистонова над своим романом [Вагинов 1999: 232]). Одно из первых свидетельств о существовании «Семечек» принадлежит близкому другу Вагинова, знакомому еще по гумилевской студии «Звучащая раковина» (1920–1921), в 30-е гг. коллеге-преподавателю по литкружку на заводе «Светлана» и со-составителем истории рабочего движения Нарвской заставы — Н. К. Чуковскому. В некрологе Вагинову Чуковский писал:

Он любил людей, любил людские сборища, любил город, любил книги. Он был по натуре коллекционер, собиратель, любил собирать все следы человеческой жизни, на чем бы они не запечатлелись, хоть на спичечных коробках, хоть на конфетных бумажках. У него была толстая тетрадь, которую он называл «Семечки». В нее он записывал все характерное, смешное и странное, что узнавал о людях [Чуковский 1934: 3].

С середины 1960-х гг. тетрадь находилась у Л. Н. Черткова и Т. Л. Никольской, которым ее подарила А. И. Вагинова; в 2012 г. перешла в другое частное собрание.

В самом авторитетном на сегодняшний день издании — «Полное собрание сочинений в прозе» (СПб., 1999) — с некоторыми купюрами даны только первые десять листов, составляющих не более десяти процентов от общего объема тетради, а весь аналитический комментарий сводится к крохотной преамбуле.

Главная причина пренебрежения полным текстом сформулирована комментаторами, Т. Л. Никольской и В. И. Эрлем:

В «Семечках» нет ни размышлений писателя о своем творчестве, ни впечатлений о событиях культурной жизни, ни характеристик известных общественных или литературных деятелей. Крайне редко встречаются выписки из книг, анекдоты литературного быта [Вагинов 1999: 583].

Действительно, в тетради нет ни намека на интимного имплицитного читателя, доверительного человека, посвященного в самое сокровенное для поэта, нет ни разоблачительных, смелых суждений об актуальной литературе, которые невозможно высказать вслух. С другой стороны, лишённые сюжетной событийности, минимальной повествовательной связности «случаи» (анекдоты, описательные фрагменты, сюжетные наброски) едва ли образуют собой цельную, герметичную эстетическую единицу. «Семечки» в этом смысле нельзя легитимировать даже в прозаической парадигме поздних авангардных проектов (в первую очередь, группы ОБЭРИУ). Комментаторы так определяют объект своего описания: «“Семечки”, по-видимому, задумывались Вагиновым как свод раннее сделанных записей (некоторые записи датированы 1922 и 1924 годами)» [Вагинов 1999: 583]. С этим утверждением мы не можем согласиться. «Семечки», безусловно, не являются хроникой жизни «внешнего человека» (ср. тетради Л. Я. Гинзбург). Это, по нашему предположению, живая, актуальная для автора лаборатория художественного слова, связанного с литературными запросами времени.

Первоначально тетрадь предназначалась для занятий греческим языком. На первых 37-ми листах рукой Вагинова выписаны фрагменты из произведений Лонга, Аристенета, Алкея и ряда других авторов. Далее следуют выписанные из текста греческие слова и их словарные значения, а также литературные переводы текстов, выполненные Вагиновым и его учителем А. Н. Егуновым.

Греческая часть¹ заполнена задолго до начала записной книжки «Семечки». Есть признаки того, что переводчик (Вагинов) только начинает обучаться классическому языку (первые листы тетради похожи на «прописи» для отработки греческой графики),

¹ Автор статьи безмерно благодарен своему другу Егору Молькову, которому принадлежат все лингвистические наблюдения, касательно классических языков.

что указывает на последнюю четверть 1920-х гг., времени близкого знакомства Вагинова с кругом АБДЕМа.

Собственно тот объем текста, что мы называем записной книжкой, следует после греческих штудий с отступом в страницу и начинается заглавием «Семечки (Зерна)». Метонимическая соотнесенность с классическим контекстом, кажется, разрешает проблему тавтологичного употребления синонимичных слов в заглавии. К примеру, латинско-русский словарь *Lingvo* на слово *granum* дает варианты: зерно, зернышко, семечко (*tritici Pl; sināpis Eccl*); крупинка (*salis PM*), но в латинском языке есть и слово *semen* — «семя». Отличие греческого в том, что в нем, по-видимому, слово *στέρμα* (от глагола *στέρω* «сею», буквально «посеянное», то же соотношение, что у русского се-ять/се-мя) является основным соответствием для русского семя/зерно (и для латинского *granum/semen*)². Греческое слово имеет переносные значения. Одно из них отмечено именно для множественного числа — *στέρματα*, которое у Анаксагора и Эпикура применяется в значении *στοιχεῖα* — *elements*, стихии в античном смысле, первоэлементы мира [Liddell & Scott 1996: 1626]. Возможно, поэтому и у Вагинова лексемы стоят во множественном числе. При этом «мир», в создании которого участвуют данные «стихии» — это художественный мир прозы автора записных книжек. Заметим стилистическое несоответствие двух лексем, составляющих заглавие. С одной стороны, уменьшительный суффикс первой («Семечки»), кажется, необходим для создания эффекта оксюморонной двойственности, сочленения «высокого» и «низкого» в одной формуле, что вполне соотносится с традицией вагиновских заглавий³. С другой — суффикс раскрывает содержательные особенности основной части записей: маргинальное речеупотребление, скабрезные истории и т. п.

Таким образом, учитывая явные античные коннотации, «Семечки» следует читать как первоэлементы, выявленные и сознательно отобранные Вагиновым для создания художественного целого.

² Ср. перевод в англо-греческом словаре: *grain* «зерно» — *στέρμα*, *tó* [Woodhouse 1932: 369].

³ О заглавиях к романам Вагинова («Козлиная песнь» и, в особенности, «Труды и дни Свистонова») см.: [Бреслер 2012].

«Семечки», по-видимому, начаты в конце осени 1932 г. На третьем листе с локальным маркером «Сухум» переписана театральная афиша, анонс премьеры, назначенной на 22–23 ноября. Нами установлена точная дата премьеры оперы «Нитуш», анонс которой заинтересовал Вагинова — 22–23 ноября 1932 г.⁴ Запись в «Семечках» воспроизводит афишное членение на строки. Нахождение Вагинова в Сухуме в конце ноября 1932 г. подтверждается открыткой, которую он отправляет Н. К. Чуковскому, подписав дату — 30.11.32.⁵

Для того чтобы убедиться в ложности утверждения об анахроничности или вторичности записей в «Семечках», достаточно бегло оглядеть содержание тетради. В записной книжке есть группа записей, которые условно можно озаглавить как «Словарь просторечной/блатной речи». Вагинов интересуется языком, на котором говорит городская окраина (Пушкинская, Лиговка, Холмуши, Рижский (пр. Огородникова) и т. д.), его увлекает говор псковской шпаны, речь которой он записывает с учетом фонетических особенностей. Этот тип записей можно считать наиболее подготовленным, однако и такие записи часто дополняются карандашными вставками, сделанными позже. Есть также единичные повторы даже в пределах одного листа, свидетельствующие больше о скорописи, нежели о спокойной домашней выверке. Так, в пределах десяти первых листов, мы можем дважды читать следующие дефиниции лексики аргю:

Бан — вокзал

Медуза — вор городушник по кооперативам

Пол-Литра — Пал Митрич

Пойду газ держать — пойду пьянствовать.

Бочата — часы⁶.

⁴ «Гостеатр Абхазии / Гастроли музкомедии / 21 ноября Джонсон / ГЕЙША / Музкомедия в 3-х действиях / 22, 23 ноября Гэрве / НИТУШ / В 3-х действ. 4-х карт.» [СА] (газета).

⁵ В тексте письма Вагинов допустил опisku — 30.11.31. Установить точную дату корреспонденции удалось по входящему штемпелю в Ленинграде. Письма Вагинова Н. К. Чуковскому готовятся к публикации (сохранились в частном архиве Д. Н. Чуковского).

⁶ При публикации Т. Л. Никольской и В. И. Эрля все эти повторы были опущены. Здесь и далее «Семечки» цитируются по автографу.

Среди записей примечательна одна, сделанная Вагиновым вверх ногами. Это описание городского праздника, по-видимому, годовщины Октябрьской революции 1933 года⁷.

На ангеле была прикреплена гроздь цветных шариков, они закрывали ангела, нежно розовые, бледно зеленые, красные. С невидимого дирижабля была спущена до самой земли цепь лампочек — наверху она заканчивалась звездой, в ней серп и молот. Было впечатление огненной черты. Красноармейцы стреляли из револьверов разноцветными ракетами — шары, кометы с хвостом.

Между колонн появилась маленькая, цвета пламени звезда. Она на глазах росла, разрасталась в огромную и сразу гасла. Проекторы переключали свои лучи, получилась дата годовщины.

Записи в «Семечках» осуществлялись, видимо, в течение года. Нет ни одного темпорального маркера, нарушающего или же инверсирующего привычный циклический круговорот времени. Приведем некоторые примеры помет и впечатлений:

«Весна»

«Перед 1-ым маем»

— Расцветает черемуха — черемуховый ход

Расцветает рябина — рябиновый ход.

Чере'мушник — лещ белый, чистый

Рябинник — чешуя вроде прыщиков, крапинок. Сам красный.

—

— В жаркую погоду налим вялый [Приведенный нами отрывок о годовщине Октябрьской революции. — Д. Б.].

Мороз по колено

Дамский день [8 марта].

⁷ Ср. с описанием городского праздника 1933 года, вышедшем в «Вечерней красной газете» под заголовком «Огни над Невой»: «Высоко в небо уходит тонкий электрический столб с пятиугольной звездой наверху. Звезда приходится как раз на уровне низких облаков. Какой же это новый шпиль объявился в городе? Люди теряются в догадках... пока шаловливый луч неосторожного прожектора не вырывает из темноты поднебесья громоздкую тушу “колбасы”, поднявшую светящуюся большевистскую звезду так высоко, куда не забирался еще ни один чугунный ангел!

На черной полке крепостных стен внезапно загораются большие красные цифры “1917–16–1933”» [Евгеньев 1933: 2].

Упоминания о реальном времени редки, не обязательны. Мы не можем утверждать, что период ведения «Семечек» равняется годовому циклу (или чуть превышает его). Однако в тетради временные маркеры распределены без хронологических противоречий.

В качестве доказательства ретроспективного характера ведения «Семечек», Т. Л. Никольская и В. И. Эрль приводят записи, датированные 1922 и 1924 гг. Однако эти датировки сопровождаются абсолютно вневременными, весьма вероятно, вымышленными Вагиновым сюжетными и образными зарисовками. Так, 1922 годом помечена следующая запись:

Костя Ротиков зарабатывал деньги своими рисунками к биологическим книгам по биологии и физиологии. Он брал за сперматозоида по 75 коп., за совокупляющихся стрекоз по 4 р. 50 коп. Стрекозы задами совокуплялись, держали в лапках комарика и совместно ели.

Упоминание Кости Ротикова, собирателя безвкусицы из романа «Козлиная песнь» (1928), часть действия которого действительно происходит в 1921–1922 гг., может свидетельствовать о продолжающемся интересе автора к своим героям, к отдельным чертам их образов, нежели о факте их появления в книжке в 1922 г.

Записную книжку формируют компактные записи часто не более чем в несколько строк, отделенные друг от друга короткой прямой линией, выписки из прочитанной литературы, локальные маркеры, отсылающие к родному для писателя Ленинграду, Ленинградской области, к южным курортам СССР (где Вагинов проходил лечение от туберкулеза). Подписанные цитаты из литературных источников анахроничны, круг чтения, выявляемый с помощью «Семечек», случаен и, кажется, даже нарочито маргинальный. Использование таких цитат Вагиновым оправданно только в рамках некоей внешней по отношению к ним поэтики (литература для творчества).

По нашему мнению, ведение записной книжки инициировано участием Вагинова в создании книги «Четыре поколения (Нарвская застава)» — истории рабочего движения в одном из пролетарских районов за Нарвской заставой⁸. Текст «Четырех поколе-

⁸ Четыре поколения: (Нарвская застава) / Организатор книги С. Д. Спасский; Сбор материала, ред., композиция С. Д. Спасский, А. Г. Ульянов

ний» был сдан в набор 19 октября 1932 г. На титульном листе уже готовой книги уточняется роль каждого из соавторов. Вагинов, как отмечается, принимал участие в сборе материала.

Поставим вопрос: что значит сбор материала? В рукописном отделе РНБ в фонде Вагинова (1325) хранится черновик интервью некоего Быстрова (р. 1899), его воспоминания о событиях 1905 г., которые он застал еще ребенком. Здесь есть свидетельства о дореволюционном быте Нарвской заставы, о нелегкой жизни учеников трехклассной Путиловской школы. Приведем фрагмент интервью.

1. Где ныне сад 9 января по улице Стачек, в 1904 году был штаб Григория Гапона. При этом доме устраивались част<о> Собр<ания> р<або>чих, которые разделяли точку зрения Гапона, в этом же здании было организовано Гапоном детск<ое> уч<или>ще.

Андрей Александров, ярый гапонов<ец> с двумя точками зрения: «Если поп организует общество, то поп раскрывает рабочему глаза, значит это человек справедливый».

Для детей школы устраивали вечера и концерты, пели песенки, рассказывали сказки.

2. После произв<еденных> залпов шествие стало рассыпаться по прилег<ающим> улицам, здесь продолжили работу казаки и др. Из рабочих Нарвск<ой> заставы, оставш<ихся> живыми, удалось немногим проникнуть в центр города.

У Нарв<ских> ворот исч<ислялось> убитым<и> и ранен<ыми> не одна тысяча.

Дети от выстрелов прятались.

Доставка газет отцу по праздникам.

Насаливали пятки и бежали домой [Бреслер, Дмитренко 2013].

В «Четырех поколениях» отсутствует эксплицитная речь создательницы книги. Они выступают лишь как монтажеры свидетельств, суждений, воспоминаний более двухсот коммунистов, ударников,

ский. В сборе материала принимали участие: К. К. Вагинов, Н. К. Чуковский. Л., 1933.

С конца 1930 г. Вагинов много занимался литературно-общественной работой. Стремясь занять свое место в литературном поле, он вместе с Н. Чуковским ведет литкружок на заводе «Светлана», комментирует для рабочих произведения классики мировой литературы, редактирует книжки ударников завода. Подробнее об этом см.: [Бреслер, Дмитренко 2013].

высших заводских чинов и чернорабочих, коренных жителей Петербурга-Ленинграда и недавно ассимилировавших крестьян. Установка на живое слово реальных свидетелей истории поддерживается комментарием «из первых уст» художников и архитекторов, внесших символический вклад в знаковые преобразования советского времени (например, строительство фабрики-кухни или Дома культуры). Работа Вагинова фактически предполагала на некоторое время буквально поселиться на рабочей окраине, записывать, выявлять, разговаривать и записывать на бумагу весьма дробный, часто несвязный (как это видно из представленного примера) поток сознания информанта. Как показывает сравнение конспекта Вагинова и опубликованного в книге интервью Быстрова, редакторская работа минимальна, она не затрагивает смысла текста. Об этом позволяет судить сохранившийся конспект интервью, который практически без изменений вошел в конечный текст. Таким образом, Вагинов отвечает за трансляцию чужого слова, но он не занимается конечной его эстетизацией, права на которую оставлены редакторам-составителям и «организатору книги». Последние не только заняты склеиванием реплик-слайдов, но и осуществляют селекцию информантов для освещения каждой конкретной темы. Так, воспоминания Быстрова об одном из узловых событий в книге (1905 год, ход к царю, организованный Гапоном) не задействованы не только по причине их фрагментарности и бессвязности, но во многом потому, что Быстров лишен идеологической компетенции. О «Кровавом воскресенье» дано право говорить только старым членам партии большевиков, проверенным коммунистам.

Пользуясь бахтинской терминологией, Вагинов принимает вынужденную авторскую позицию, лишённую авторитарного признака вменяемости⁹. Поиски письма, освобожденного от власти демиурга-создателя, могли увенчаться успехом в процессе работы над коллективным историческим трудом, а позже заострить внимание писателя-авангардиста на повествовательной фи-

⁹ Полемика с основными положениями работы М. М. Бахтина «Автор в эстетической деятельности» присутствует еще в романе «Труды и дни Свистонова» (1929), в котором Вагинов показал последовательное разрушение художественного мира романа всевластным автором (см.: [Сандомирская]).

гуре «рабкора», чистого транслятора. В ведении записной книжки «Семечки» Вагинов, как нам кажется, ищет реализацию полученного опыта «фактографии» уже на привычном для собственного идиостиля материале.

У нас в цеху люди были, друг другу хвосты вешали из пакли или тряпья, как хлястик. Приходит инженер — повесили ему хвост из пакли. Он ходил, ходил по цеху, с моторами новыми возился, потом к директору в кабинет идет на техническое совещание. Все там как заметили.

Заводуправление мастеру на вид поставило, за то, что непорядок в цехе.

Помимо приведенного примера, в «Семечках» присутствует большое количество записей, связанных с Нарвской заставой, Путиловским заводом, в том числе зафиксированных в форме прямой речи. Следует отнести эти записи к попутно полученным материалам в ходе составления «Четырех поколений». Жанр записной книжки, в условиях которого конечная эстетизация крайне проблематична, становится для Вагинова своего рода творческой лабораторией, действующей ареной поэтических штудий, на которой Вагинов изучает современный ему советский дискурс — занятие не менее важное и увлекательное, чем переводы с древнегреческого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бреслер 2012: *Бреслер Д.* Роман К. К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: Поэтика заглавия // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб., 2012. С. 146–157.
- Бреслер, Дмитренко 2013: *Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л.* Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (литкружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) // Русская литература. 2013. № 4.
- Вагинов 1999: *Вагинов К. К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб., 1999.
- Евгеньев 1933: *Евгеньев Т.* Огни над Невой // Вечерняя красная газета. 1933. № 258 (4038). 10 нояб. (пятн.). С. 2.
- СА: Советская Абхазия. 1932. № 268 (3413). 21 нояб. (пон.).
- Сандомирская: *Сандомирская И.* Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. М., 2013. С. 111–172.

Чуковский 1934: *Чуковский Н. К.* Тяжелая потеря // Литературный Ленинград. 1934. 30 апр. № 20.

Liddell & Scott 1996: *A Greek-English Lexicon*, by H. G. Liddell & R. Scott, augmented by sir H. S. Jones. Oxford, 1996.

Woodhouse 1932: *Woodhouse S. C.* English-Greek dictionary, London, 1932.